

Мананников Андрей

ПОСТАПОКАЛИПСИС

ПРИЗРАКИ КАТ ЭКАМЫ

ДЛЯ БРОДЯГ АНАРХИСТОВ

ЖИЗНЬ: - ПРИСУТСТВУЕТ...

ВРЕМЯ: - НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ...

ЛОКАЦИЯ: - ПЛАНЕТА КАТ ЭКАМА...

Андрей Мананников

Призраки Кат Экамы

«Издательские решения»

Мананников А.

Призраки Кат Экамы / А. Мананников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936939-0

Запущенные на планете процессы приводят к дестабилизации всю галактическую систему. Разобраться в проблеме прилетел инспектор-поисковик. В конвульсирующих ритмах умирающей планеты начинает складываться страшная мозаика вечного человеческого эгоизма на фоне простодушия и преданной, бескорыстной любви.

ISBN 978-5-44-936939-0

© Мананников А.
© Издательские решения

Призраки Кат Экамы

Андрей Мананников

© Андрей Мананников, 2018

ISBN 978-5-4493-6939-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

Орбита Кат Экама.

Свинцовые тучи, редкие, медлительные. Стремительные молнии, шьющие безжалостными, гигантскими зигзагами по кружащей воронками смерчей стратосфере. Редкие окна в рваных шапках и такая же серая бесцветная поверхность, распиленная на квадратики непонятных построек. Где-то там, в пространстве бьющейся в предсмертных конвульсиях планеты разведывательный бот, не подающий никаких признаков жизни. Сигнал с него пропал, а из минимума информации собранной роботом, ничего конструктивного выудить не удалось. Наметки... Ничего не проясняющие, наметки.

Озадачено почесав шевелюру, пошел в каюту, собираться на поверхность. Впрочем, слово собираться номинальное, в инспекционную вылазку ничего не берётся, мало того, блокируются все навыки и привычки. Новый поведенческий набор формируется в поле. Поэтому в каюту приходили прямо перед спуском, по старой доброй традиции, посидеть на дорожку.

Любой из ботаников, руку отдал бы за то, чтобы оказаться на моем месте. Никто из них ни на секунду не задумывается, насколько это опасно! Мои отчеты при возвращении кодированы и не предназначались для всех, внося ореол тайны в мою работу. Поэтому последователи стройных теорий постоянно развлекали меня своими выкладками, стараясь выведать крупницы знаний, полученных мною на практике.

Я же говорить не любил, предпочитая слушать, строго помня правило: «молчание золото». Да и ученых я не любил, мне часто приходилось видеть, негативные последствия их экспериментов. Никаких напутствий и наставлений перед отправкой я не получил. Да и зачем? Перед спуском разум – всегда стерилен.

Посадочная капсула сбросила нас с Ледой, на поверхность. Пол капсулы ушел вниз, святающейся искоркой мы падали в объятия планеты, рассекая атмосферу ровной черточкой, жмущейся к наполненной клубами тверди. Плети разрядов иступлено жалили капсулу, не принося видимого ущерба, и отступили обессилено, у нижней кромки рваных, налитых чернотой облаков. Панорама разбежалась, открывая заброшенный, посттехнический пейзаж Кат Экамы. Несколькими рывками скорость капсулы затормозилась, неудержимый пейзаж замедлился и словно задумавшись, принял в объятия летящую с небес звезду. Удар.

Глаза отчаянно моргали, смахивая выступившую после жесткого удара слезу.

– Вставай! – тянула меня от капсулы Леда. Ее глаза внимательно оглядывали меня на наличие повреждений. Так было всегда, падать с неба у нее получалось не в пример лучше. Худенькая, миловидная блондинка, одетая в рип-стоп энергик. Костюм для выживания практически в любых условиях. Синие, сосредоточенные и очень холодные глаза внимательно разглядывали меня на наличие повреждений. Я для нее ботаник, которого она вынуждена охранять. Мой ангел – без преувеличения, я был свидетелем как бескомпромиссно охранница решает

задачи по моей сохранности, причем делает это любыми доступными способами. Ясность в глазах вернулась, и я внимательно огляделся.

Жесткая трава цеплялась за скудный пейзаж, уходя вглубь огромной шахтной выработки. Упавшая мачта передач разнесла несколько деревянных домиков в щепки. Оглядевшись, встал и осторожно пошел в сторону уцелевшей в металлическом буреломе избенке. Напарница скрадывала меня сзади, как хищник. Когда я зайду в дом, она будет терпеливо ожидать меня снаружи, любой по продолжительности период времени. Находясь постоянно рядом, мы практически никогда не пересекались. У каждого из нас своя задача.

Утлая, раздавленная дорога, шла от выработки, заворачивая за недалекий увал. Сегмент крыла упавшей металлической мачты покачивался и заунывно скрипел, занудным дискантом. Я вникал в пейзаж, и небольшой промежуток времени расслабленно стоял, внимательно слушая местность. Чутье подсказывало, что рядом никого нет, лишь жалкая, умирающая энергетика вокруг.

Возле дома, ракурс уродливого шрама выработки изменился, дорога спускалась вниз к огромному, покрытому ржавчиной механизму. Несколько ковшей оторвались и валялись на насыпях рядом, попадая набок. Взгляд изучающе скользнул по карьере и зацепив кромку запорошённого пылью леса, уткнулся в потемневший проем. Выждав некоторое время, толкнул хлипкую дверь внутрь.

Запорошенный песком пол, непонятного, выбеленного химикатами цвета. Колченогий стол, для верности приколоченный к стене, с парой хаотично стоящих рядом, стульев. Настольная, покрытая пылью лампа и разнокалиберная, столовая утварь. До половины скуренные сигареты, густо натканые в одну из кружек. Расколотый кинескоп древнего телевизора с ручкой от молотка торчащей изнутри, в неровном овале осыпавшегося крошева. Несколько распахнутых шкафчиков для одежды, у одного с корнем вырванная дверца. Комплекты рабочей одежды, сброшенные с полок на пол. Предпоследний ящик аккуратно закрыт.

Ведомый спонтанным любопытством, подошел и осторожно отворил облупившуюся дверь. Два комплекта одежды на верхней полке. Хаотично брошенные инструменты и несколько запаянных в целлофан пищевых пайков. Взгляд зацепился за одежду, что-то в ней меня смущало. Поколебавшись, поднял аккуратно сложенные рабочие комбинезоны. За брезентом куртки торчала массивная, вороненая рукоятка. Вытащил из-под одежды револьвер и обомлел, калибр оружия был просто ужасающим! Щелчком откинул барабан, ухоженная пушка, смазанная и заряженная. Обычно, поисковики редко пользовались предметами, но здесь соблазн не оставил никакого шанса! Вернув барабан на место, ткнул кольт за ремень. Больше, ничего интересного в камерке не было.

Выходя на улицу, аккуратно прикрыл дверь дома. Вокруг стояла мертвая тишина, лишь по-прежнему уныло, скрипела оторванная секция, завалившейся мачты. Внутренний голос вел меня дальше, вдоль заброшенной дорожной просеки. Мрачные, прибитые карьерной пылью деревья вдоль дороги, как свидетели. Молчаливые, настороженные.

Леды не было видно. Сиротливо оглянулся и продолжил свой путь по ведущей от шахты большегрузной дороге. Наитие билось внутри встревоженной птичкой. Впереди что-то назревало, но контакты с местными, это часть поисковой стратегии и для меня они неизбежная реальность моей работы.

С пару километров вяло извиваясь, грунтовая дорога шла вдоль леса. В нескольких местах сброшенная с грузовиков руда, лежала по окраинам сиротливыми, заросшими цепкой травой горками. Иногда, наваленная прямо на деревья. Грунтовка замысловато петляя, вывела меня прямо к лежащему вдоль дороги огромному грузовику. Машина в заносе упала набок и комья руды веером насыпали круговой непроходимый вал.

Справа от упавшего грузовика виднелась обходная тропа. Встав рядом с буквально протоптанной просекой, ждал. Место нехорошее, узкое и все же контакт с местными неизбежен.

Леда прикрывала меня и дать им почувствовать себя охотниками, выгодней. Классическая засада, сердце непроизвольно ускорило ритм. После небольшой паузы, протиснулся в небольшой лаз.

Глава 2.

– Не дрыгайся, – спокойно сказал голос за спиной. Острие прошло вдоль горла, и уверенная сила оторвала меня от земли. Кто-то, мастерски меня потрошил, проворные руки, осматривали, настойчиво ощупывая. Я знал, что так и должно было произойти, но все же лесной визави заставил меня поволноваться!

– Оружие есть? – заинтересованно спросил голос за спиной. Я согласно покачал головой.

– Не дури, понял? – хватка ослабла, и я снова ощутил под ногами землю. Вперед вышел быстрый, сосредоточенный мужик и царапнул меня внимательным взглядом.

– Ты кто такой? —протянул он мне револьвер, ранее вытасненный из-за пояса.

– С орбиты я, вчера приземлился, – доверительно заговорил я.

– Космонавт что ли? – изумился собеседник.

– Несколько лет без связи на орбите болтались. При приземлении, я один выжил, – не стал вдаваться в подробности, этой информации хватило с избытком.

– Иван, – протянул простодушный местный руку. Выражение лица отбросило всю подозрительность и приняло вид крайне простодушного изумления, словно местный увидел какое-то чудо!

– Саша. Карпов, – пожал лесному разбойнику руку. Дыхание мое напряженно затихло, стараясь не выдать охватившее тревожное состояние. Сзади стояла Леда. Если она вышла в зону прямой видимости, что-то должно произойти! Разорвав паузу в дыхании, перевел взгляд на лесного визави. Тот, улыбаясь, расслабленно похлопал меня по плечу и.. взорвался безумным, гимнастическим ритмом! Кошкой нырнул к Леде, не замечая меня. Дыхание перехватило от тычка в сплетение, и я нелепым мешком полетел в бок, не понимая, что со мной произошло. Мигом позже, позади рвали друг друга, две безжалостные силы. Тяжело поднялся на ноги и оглянулся, разглядывая наглядное пособие по рукопашному бою. Видимого ущерба никто не нанес, но мутузили друг друга с полным знанием дела. Остановить их надо было немедленно и возможность была только одна. Вытащив из-за пояса кольт, взвел курок и выстрелил в ближайшее дерево.

Господи! Мне кажется, пуля вылетела не спеша, подталкиваемая работавшими на пределе пороховыми газами. Выплюнув медный наконечник, разрядилась со звуком хорошей пушки. Дерево на пути полета буквально снесло, раскалывая на части и маленький снаряд с воем ушел в чащу! Тишина! Какой безумец создал эту конструкцию!

Драчуны остановились и пытались понять, что произошло. С упавшего дерева, летела сорванная от падения хвоя.

– Хватит! Прекратите! – давил, подымая голос, пока драчуны не пришли в себя окончательно.

– Вы химики? Я должен вас проверить, – сказал незнакомец твердым голосом и достал небольшой приборчик.

– Хорошо, – примирительно поднял руки. Иван неуловимым движением ткнул упругим наконечником около моего уха, и я почувствовал небольшое покалывание. Через некоторое время прибор пропиликал. Почесывая озадачено шевелюру, бродяга смотрел на показания.

– Странно, в тебе совсем нет искусственных химических соединений!?! – сомнительно констатировал Иван.

– С орбиты я, поэтому чистый, – не растерялся с ответом. Постепенно сознание начало осознавать ритмы этого мира.

– Куда вы идете? – кивнул настороженно в сторону Леды, помятая физиономия носила на себе следы ее аргументов. Охранница пощадила его, выходит, по ее мнению встречный тип представляет интерес. Я видел, как безжалостно и быстро она может подавлять сопротивление, здесь же она просто выбила из него излишки самомнения. Как из матраса пыль.

– Честно? Никуда. Мы только с орбиты и сами не до конца понимаем, что делать, – ответил неопределенно и оглянувшись, следуя его взгляду. Леда, посчитав конфликт исчерпанным, исчезла в чаще.

– Кто она? – кивнул головой давно не брившийся, с заинтересованным взглядом Иван.

– Она – охранник! Понял! Ведет меня после приземления! – почти не соврал я диковатому собеседнику. Версия с космонавтом прижилась, и я решил следовать ей и далее.

– Пойдем к нам. Все равно ведь, куда идти, – приглашающе позвал Иван. Я кивнул и выжидающе уставился на него. Местный немного поколебался, видимо я слишком легко согласился.

– Вы точно не химики? – колебался визави.

– Ты хоть объясни, что за химики? – немножко раздраженно спросил в ответ. Успокоившись, Иван двинулся вперед, видимо моя реакция окончательно разрешила его подозрения. Мы двинулись в чащу и тайной, неприметной тропкой двинулись к деревенским, так называл их Иван.

– Деревенские после разделения живут очень хорошо! Почти уж лет двести, ну, ты и сам знаешь! – извиняющееся, повествовал он. Я инертно кивнул, запоминая все услышанное.

– Ну, так вот! Химики же думают, что умнее всех! Когда город и деревня разделились, мы жили вольготно. Деды и отцы наши занимались земледелием и разводили коров. Еды хватало с избытком. Но, последние несколько лет, химические лаборатории активизировались, и их агенты, ну эти, химики которые, стали вновь появляться в наших областях. – Иван неспешно отводил мешающие при ходьбе ветки. Оглянувшись на меня, собеседник продолжил, – Раньше, они гнали свою отраву только городским, но позднее стали снова захаживать в деревни, – вздохнул, наступая на молодую сосенку Иван. Мы двигались в густых, казалось непроходимых джунглях, вокруг ни проблеска, сплошная зеленая стена.

– Время лечит все и люди стали вновь относиться к химикам терпимо! Некоторое время их машины постоянно заезжали к нам. Пока, дочь нашего главы – Игоря, не умерла от жесточайшего удущья! Поела чипсов! – замолчал интригуяюще, равнодушно рассказчик. Пауза затянулась.

– Ну? – не вытерпел я.

– Вот тебе и ну! Первых двух химиков забили до смерти! Третий ел то, что принес нам! Через три дня подох, его долго рвало. Что нам приготовил от того и помер! – расхохотался Иван, правда смех был недобрый. Я молча глядел на него ожидая продолжения.

– У нас умерло несколько ребятишек! Теперь химиков стреляют без предупреждения, – закончи говорить проводник.

Некоторое время собеседник молчал, вглядываясь в глубину заросшего склона, в глубине стоял покосившийся штабель ящиков, густо затянутых зеленой массой. Поросль испускала ядовито – зеленый туман и издали казалось, что рядом с ящиками кто-то двигается. Словно опомнившись Иван продолжил:

– Старики в уставных бумагах нашли запись о разделении города и деревни. Там производители химии проклинались и любая их продукция в деревню не допускалась! Просто со временем от них отвыкли и по началу, после стольких лет отнеслись терпимо! Умирая, один из химиков рассказал, что каждому агенту делают укол, на семьдесят часов делающий их организмы, невосприимчивыми к искусственным химическим составам. Так они защищались от собственной продукции, а мы научились их вычислять по этому составу. Теперь любой чужак проходит проверку, – рассказчик окончательно замолчал. Мы вышли на край громадной

выработки, так мне показалось вначале. Земля ушла вниз, зияя огромными, рваными провалами. В затянутых туманом обвалах шли какие-то процессы, местами жуткая муть светилась и словно пульсировала. На всей площади провала ни дорог, ни техники.

– Здесь добывали нефть. Когда запасы исчерпали, начали сваливать вниз радиоактивные отходы. Со временем под землей стали происходить непонятные простым людям процессы. Земля словно дышала и колебания были до нескольких метров. Доброе правительство от людей все утаивало, а потом стало поздно. Был сильный взрыв, и больше здесь нет ничего живого! – лицо Ивана дергалось от нервного тика. Я не стал лезть к нему с расспросами, что-то подсказывало мне, что лучше этого не делать.

Вскоре проводник вывел нас на очередной увал. Холмистая цепочка плавно уходила вбок, открывая широкий дол, изрезанный мелкими цепочками направлений. Заброшенные дороги ушли в землю, редкая техника стояла, потерявшая от времени форму. Эмоциональный попутчик болтал без умолку, рассказывая все подряд, скрашивая дорогу бесконечными байками.

Вдали виднелся город, плотно заставленный многоэтажками. Ближний район и центр, лежавшие в низине, напоздали домами на возвышенность, с другой стороны, тянулись пустые, заросшие сорняком пустыри. Одна из многочисленных труб вяло дымилась хилыми, белыми клубами. Несколько небоскребов с упершимся в один из них колесом обозрения, слетевшее с гигантских опор аттракциона. Странный город был явно обитаем!

За одним из многочисленных холмов свернули и пошли по пологому склону распадка. Странно, растительность росла ближе к возвышенностям, хотя должно быть наоборот. Здесь низины были безжизненны, лишь изредка нестерпимо яркие кусты густо росли на небольших технических свалках. Перевалив за небольшую горку, вышли на длинный баз, уставленный станками. Всюду, навалом лежало склизкое корье и прогнившая древесина. Ржавые пило-рамы под навесами застыли, казалось на века. Двор явно был заброшен. Ржавая переломанная техника, остова без колес, лежащий на боку трактор. Задние, огромные колеса оторвавшись, лежали по бокам покосившейся машины, проржавевший остов по оси ушел в землю.

– Ты бы это, девку свою позвал, бродячих псов тут много, – проинформировал попутчик, оглядываясь по сторонам.

– За нее не бойся! – ответил я, – да и не пойдет она.

– Да я и не боюсь. Так, что-то! – эхом произнес Иван. Настороженно оглядываясь по сторонам, пересекли просторное подворье и хотя наитие ощущало присутствия зверья в чаще, никто нас не побеспокоил. Около навеса стоял домик с выбитыми, печально смотрящими на нас перекошенными проемами. Прямо за ним мы свернули и проходя мимо невольно заглянули в окна, внутри стоял глухой, непрозрачный туман.

Тропа сузилась и вновь запетляла по косогору. Несколько раз нам попадалась ржавая техника и полуразрушенные промышленные конструкции. Редкий лес сгустился и километра полтора плотно обжимал натопанную, извилистую тропку.

– Пришли, – констатировал Иван. Неожиданно вышли к ладно срубленным из бревен домикам. Добротные жилища, с двускатными, покрытыми тесом крышами стояли по линейке. Любопытная ребятня близко не подходила, но в самый короткий промежуток вся деревня узнала о нашем прибытии. Несколько крепких мужиков вышли к нам на встречу и невозмутимо ждали, пока мы подойдем ближе.

Глава 3.

Легко одетые, рубахи с закатанными рукавами выдавали крепкие мускулы, видно, что здесь люди работали. Чуть в стороне стояла троица в хорошо подогнанных бронекостюмах и с ухоженными автоматами. Датчики радиации и прорезиненные навигаторы. Явно далеко

ходят и ничего не бояться, лица спокойные и доброжелательные. Взгляды набитые и прицельные, как на таможне.

– Это космонавты! – решил удивить своих Иван. Мимолетное удивление мелькнуло на лицах и взгляды расслабились.

– Александр, – представился жителям.

– Я – Игорь, глава нашей деревни. Мне надо знать ваши цели и маршрут. Химиков и прочей шушеры нам тут не надо. – разглядывая меня, уведомил крепкий мужик с тяжелым взглядом.

– Понятно, – легко согласился я, играть лучше по правилам местных жителей, – с орбиты мы. Связь давно прекратилась и нас никто не забирал. Месяц назад нашу орбитальную станцию сдвинул с орбиты потерявший управление спутник, и нам пришлось эвакуироваться. Приземление прошло удачно и вот, мы здесь.

Несмотря на подозрительность, местные были крайне простодушны! Наш рассказ крайне заинтересовал их, малышня бочком вильнула за спины старших, и все обитатели деревни начали буквально засыпать нас вопросами. Тонкая пелена отчуждения растворилась без остатка в радушии встречающих и вскоре, мы сидели за столом. Леда вынуждена была присоединиться к застолью и налегала на вкуснейший грибной суп.

– Ешьте, ешьте! – радовалась хозяйка, глядя на нашу активность. Блюда в деревне были на удивление отменными. Разговор за столом тек неспешный и нейтральный. В основном мне прояснились детали местной жизни, местные с радостью делились информацией.

Сто семьдесят два года назад произошло великое разделение, ярые приверженцы естественного бытия ушли в деревни и в буквальном смысле закопались в огороды. В городе остались ярые приверженцы технократии. Правительства перестали существовать, их места заняли коммерческие мега корпорации. Основной заработок был в добыче ресурсов и заботиться о населении окончательно забросили.

Впрочем, в анархическом состоянии, народ не упал в пучину хаоса, а зажил нормальной жизнью, сведя контакты между городскими и деревенскими к минимуму. Спустя полтора века, химические лаборатории больших корпораций активизировались и вновь начали обрабатывать деревенских. Крепкий и здоровый, но крайне простодушный люд, пускал их к себе, поначалу радушно. Время стерло ту грань неприязни, что была в далекую эпоху разделения. Да и чудо порошки заставляли деревенских изумленно вздыхать от восхищения. Урожай в огородах резко увеличились и рацион заметно разнообразился.

После, люди стали болеть, у многих появились страшные сыпи и жесточайшая аллергия. Несколько человек умерло. Химические продукты привели к новой вспышке неприязни, вплоть до кровопролития! Война с химиками вновь обострилась и лишённые жестких ограничений деревенские начали откровенный отстрел агентов по реализации химии.

Городских жителей в деревне откровенно побаивались, рассказывая о разных чудовищных небылицах. Немногословные разведчики рассказывали о цитадели на севере, прибежище всего главного, но это лишь очередной миф, хотя и с устойчивым душком. Дальнейший путь стал очевидным, надо посмотреть на городских, разобраться в рассказанном, отсеять досужие домыслы. Виктор – старший разведчиков за душевными разговорами, пообещал вывести к окраинам близлежащего города.

За полночь разошлись по домам и попадали спать. Деревенские постелили нам с Ледой вместе, не морочась по простоте душевной. Леда послушно легла рядом и чутко затихла. Я же продолжал переваривать информацию, накопленную за день. Данных было мало и делать устойчивые выводы пока рано. Устройство жизни доступно для понимания и в принципе очевидно. Потянувшись, с удовольствием завернулся в пуховое одеяло и облегченно закрыл глаза.

Хмурое утреннее небо, в серой облачной шкуре мелькают редкие молнии. Дождя нет, но на душе пасмурно, впрочем, здесь всегда так. Небосклон постоянно затянут и светило здесь – редкий гость. Нас плотно покормили и вышли проводить. Предрассветная тьма серела и отступала, прячась по темным углам, а мы споро увязывались перед походом.

– Тебя поведет Степан, – кивнул Виктор на молчаливого здоровяка. Я козырнул и пожал старшему руку.

– Спасибо! – искренне ответил Виктору, командир ходоков вызывал тонкую, ненавязчивую симпатию.

– Пойдем. космонавт, – поставил точку Степан и кивнув командиру, двинулся от лагеря вглубь плотного подлеска. Леда по привычке ушла в сторону, так ей легче контролировать ситуацию. Впрочем, я никогда не думал о способе ее передвижений, она несомненный профессионал своего дела, в этом у меня сомнений не возникало. Широкая спина проводника ловко двигалась в густом леске, не выдавая свое присутствие, и я чувствовал, себя в абсолютной безопасности. Запах прели и тонкий неуловимый аромат грибов, мутные видения осеннего леса. Хлам повсюду, битое стекло, полусгнившие коробки. Два искалеченных автомобильных остова, сцепившиеся в смертельных объятиях. Багажник одной из машин открыт. Возникшее желание заглянуть внутрь вовремя остановил Степа, внутри пищали щенки. Покачав отрицательно головой, молча отвел меня подальше.

– Не стоит! – чувственно прошептал проводник. Собачьи стаи были реальной угрозой и пялиться на сучье потомство, даром не обходиться. Внимательно оглядывая пространство, обошли мятые остовы машин положим полукругом. Изредка, назойливая птаха закатывала короткую трель и затихала, словно отдыхая, от дробного звука. Лесок поредел и начал заваливаться в канавы, словно расчесанный гигантскими граблями. Стволы обмелели и перешли в подлесок, высветляя пространство. Мы шли дальше, стараясь держаться вершин и не спускаться в неглубокие овраги. Время в пути, летело незаметно, оставляя тонкую боль сожаления о потугах крайне загаженной технократическим безумством обитателей природе. Внезапно воздух вокруг угрожающе потемнел. Казалось округа нахмурилась, застыв перед смертельным броском, лишь угрожающий шорох звучащий из далека, накатывал по нарастающей!

Степан сосредоточенно озирался и быстро повел меня к окраине леса. Горизонт внезапно раздвинулся, и я замер от изумления, вокруг шелестела, поражая размерами, гигантская свалка мусора. Пара огромных, проржавевших комбайна стояли в центре, с откинутыми мусороприемниками. Траки, наполовину засыпанные мусором и густо закаленные вороньем. Самих птиц в округе не видать.

– Придется рискнуть! – сообщил проводник с побледневшим лицом. Я повернулся к нему, внутри все сигналоило о надвигающейся опасности!

– Можно годами ходить тут и ничего! Тебе, космонавт везет! Свалка вышла на охоту, и шансов у нас мало, точнее один. Кабина комбайна, добежим, будем жить!.. Бегом! – заорал Степан и рванул к мусороперерабатывающей машине. Впереди в сполохах потемневшего горизонта двигалась, мелькающая хламом стена мусора. Буря!

– Ледааа! – предупреждающе крикнул надрывая до предела легкие и рванул следом за проводником. Вряд ли охранница не заметила приближающуюся угрозу, но мне так легче. Ноги проваливались в пухлые шапки набросанного мусора, иногда увязая по самые колени. Беготня выматывала, широкая спина впереди стала удаляться. Шелестящее дыхание догнало и накрыло шорохом все возможного целлофана. Дыхание буквально залепило и отмахиваясь, заметил, как бегущий впереди Степан упал. Пригибая голову от резких порывов шелестящего ветра, дополз до него, и обомлел.

Яркая упаковка с броской надписью, прочно облегла голову проводника. Край пакета затянулся на шее и внутри явно начинались какие-то процессы. Руки проводника тщетно царапали плотную упаковку, на проступающем из пластика лице!

Резкий жар в ноге заставил отвлечься от задыхающегося Степана, на ноге прочно обосновалась такая же упаковка и судя по ощущениям усердно варила мою ногу. Руки никак не смогли зацепиться за край пакета, тщетно скользя по высокопрочному целлофану! Волна паники начала разрастаться!

Леда появилась из шелестящей мусором стены, как ангел с небес! Ловко распорол упаковку на голове проводника. Захрипевший Степа прижал ладони к лицу, исходившему парком, словно не веря в свое спасение! С ноги пакет слетел как бы мимоходом, ловко срезанный длинным лезвием. Поднявшая нас на ноги Леда, погнала как баранов вперед. Несколько раз термопакеты цеплялись к конечностям, но бдительная охранница удаляла их с профессиональным хладнокровием.

Гулкие ступени металлического трапа, ноги несколько раз срывались под резкими порывами ветра, снизу подпирал хрипевший проводник не давая упасть. Сквозь свист и разнолادный шелест, слух уловил гулкий удар открывшейся двери. Меня буквально внесли в кабину и дверь с грохотом закрылась. Обессиленные повалились на пол, слушая приглушенный звук бури. Мощные удары сотрясали просторную кабину мусоросборщика, в запыленных окошках бушевали разномастные целлофановые волны!

Леда склонилась над Степаном, обрабатывая спреем красную, обожженную голову с начавшей облезать кожей. Я непроизвольно посмотрел на свою ногу, обожженная кожа нестерпимо зудила. Проводник открыл глаза, вращая дикими, возбужденными зрачками!

– Что это было? – искренне удивился я.

– Интеллектуальный, самоприготавливающий термопакет, мать его! – в сердцах выкрикнул еще не отошедший от пережитого Степан. Леда начала обрабатывать мою ногу, зуд ушел и мягкий эфир охладил начавшую гореть кожу.

– Любой сложенный в него продукт автоматически начинает готовиться! Еще пару минут и стала бы моя голова – сальтисоном! – продолжал возбужденно говорить проводник. Леда присела в углу и оперативно обрабатывала свою руку. Я устало огляделся вокруг, кабина мусоросборщика была довольно просторной. В центре стояло кресло с панелью приборов и джойстиком управления, обзор шел с помощью видеосистемы, напротив, стоял большой, покрытый пылью монитор. Сбоку кабинки машинистов и в темной арке застеленные нары.

– Спасибо! – проводник искренне благодарил Леду за помощь. Охранница отмалчивалась, заводит дружбу на инспектируемой планете против правил. В любой момент Степан может стать помехой и тогда Леда не будет с ним миндальничать. Просто из вежливости махнула в ответ, головой принимая искреннюю благодарность, врагов наживать тоже против правил. Инспекции не имели активных схем, развиваясь естественным путем. Пока что, мы не знаем какие силы, ведут данный сектор к дестабилизации, все это еще предстоит узнать.

Буря за бортом продолжалась, я забрался на жесткие нары и задремал. Мозг обрабатывал данные и я не мешал ему назойливыми мыслями, все увиденное он раскладывал по полочкам самостоятельно. Наше обучение в академии основывалось на отточенной системе наития, исключая опыт и знания. Давно уже доказано, что при одних и тех же данных, итог всегда разный и жизненные ритмы нельзя классифицировать, всегда будет какой-нибудь нюанс который все перевернет с ног на голову. Наитие безошибочно, если ему верить. Сон мягко спеленал сознание серым кружевом зареальности. Звуки бури стихли, убаюкивая.

– Вставай, – тронула за плечо Леда. Удары снаружи прекратились, дверь в кабину была открыта, и проводника в ней не было. Спрыгнув с нар, непроизвольно потянулся и вышел на металлический мосток, с перилами забросанными пакетами и прочим мусором. Рядом с тра-

пом, находились открытые створки с облупившейся краской, за которыми виднелся резиновый конвейер, засыпанный хламом.

– Иди сюда, космонавт, – позвал меня проводник. Поколебавшись, нырнул в узкий, технический лаз и двигаясь по свободному от мусора краю, полез вверх. Конвейер уходил достаточно высоко и добираться до верху мы не стали. На ржавых скобах ревизии поднялись на стенку конвейера и глянули вокруг.

Масштабы свалки были просто угрожающие, сюда когда-то свозили абсолютно все. Ветхая одежда, стекло, раздавленные коробки, в одном из углов сочащиеся нехорошим на вид туманом контейнеры и все щедро засыпано основательным слоем целлофана. Волнистый с провалами заборчик свалки утыкался в лес, из которого мы пришли и охватив щедрый кусок территории шел в сторону КПП. Возле небольшого административного здания, стояли, лежали, частично разобранные мусоровозы. Дальше простирался район огромного города, здания терялись за горизонтом и размеры района, сказать было не просто. Главное – город жил, мелким бисером двигались по дороге неспешные жители.

– Я доведу вас до выхода со свалки и пойду обратно, – отвлек от осмотра проводник. Конвейер заколебался, здоровый Степан прыгнул со скоб и пошел обратно. Неспешный спуск завершился прыжком на пухлую подушку мусора внизу. Леды не было видно, как она умудрялась оставаться незамеченной на открытом пространстве, загадка!

Проводник двинулся по небольшой дуге, обходя набросанные навалом ящики.

– Ты это, Леду береги! Лады? – скованно попросил Степа. Взглянув на посмурневшего мужика, согласно кивнул, все же она его зацепила. Под ногами зашаркал асфальт въезда на территорию. Вокруг навсегда застывшие громады мусоровозов. Странно, почему самая востребованная в любом городе служба не работала? В здание, к которому я двинулся, мы так и не зашли, проводник отрицательно покачал головой. Спорить с ним не очень то и хотелось!

– Не тревожь городских! – веско сказал на прощание Степан. Пожал на прощание руку и оглянувшись в поисках неуловимой Леды, проводник дружелюбно подмигнул. Отодвинув скрипучее полотно въезда вышел на окраину города. Некоторое время, я неподвижно стоял, привыкая к новым, непривычным ощущениям! Сзади скрипнуло полотно, спина проводника медленно удалялась вглубь свалки. Чувство одиночества мимолетно кольнуло внутри и тут же отпустило.

Глава 5.

Серые запыленные многоэтажки с захламленными балконами. Заросшие дороги с стоящими вразнобой автомобилями, аляпистые афиши рекламы. Сами баннеры выцвели и колыхались оборванными тряпками, чаще и вовсе оторванные. Из подъезда вышел человек в сером лаконичном ластике и поляризованном забрале. Нехорошее предчувствие волной накрыло меня, впервые на одной планете я видел разные мозговые сектора, используемые одновременно! Утверждать однозначно было нельзя, но я верил в безошибочность наития и практически не сомневался в своих ощущениях.

Наши умники никак не могли объяснить, почему человек, использует такой маленький процент своего мозга! Никакие технологии не могли двинуть мозговую активность за пятипроцентный барьер, никакие прогрессивные методики. Миллионы комплексных упражнений, лекарств и хирургических вмешательств. Никакого результата. Ноль! Впервые ученые сдались! Как обычно свою беспомощность завуалировали красивыми фразами и тихонечко съехали.

Данная тема долго не поднималась, пока не нашли технологию межгалактических перелетов. Первое чудо, встреченное вдали от дома, был человек. Универсальный геном, способный жить где угодно. И в каждом мире, мозговая активность не превышала этого пятипроцентного барьера, лишь сумеречные зоны серого вещества были всегда разные. Даже когда мы нашли Интеллектуалию, ее жители, познавшие мудрость бытия, тоже не были исключением.

Они и поведали нам, что манипулируя активными мозговыми зонами можно жить, практически где угодно! Минус был в том, что типаж закладывался однажды, в момент рождения и изменить его при жизни, было уже невозможно!

Расы людей жили в Краалонзэ, буквально горячей планете. Если есть в аду ад, то это наша Родина, гордились они. Расы Неехолма начинали умирать при температуре в минус двадцать, что считалось жуткой жарой, на вечно белой планете. В Клитленде не было твердых предметов и их обиталище было прекрасным газовым сгустком с удивительной, поражающей воображение планетой. Не менялся лишь геном человека с активными в разных вариантах зонах мозга!

Разные зоны активности на одной планете, говорили об одном, конец великого цикла и начало нового совместились! Впрочем, этому я не удивился, мы здесь находимся в поисках силы, дестабилизирующей весь сектор!

Горожанин прошел мимо, не обратив на меня никакого внимания. Забрало на лице мерцало, человек был полностью погружен в виртуальный процесс. Реальный мир для него не существовал! Я разволновался, увиденное, принесло из памяти картинку планетарного преобразования! Наша экспедиция считывала данные зонда на планете Пиразолада, где впервые была доказана цикличность планетарного ритма, и что каждый новый цикл зарождался благодаря человеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.